

Замолчи

Когда счёт дней, отмеченных на двери черточками, перевалил за пятнадцать, насекомое гу в теле Хань Линя словно почувствовало какой-то призыв. Пару раз, очнувшись на рассвете, юноша чувствовал иней на своих ресницах, а на двух серебряных кольцах в его правом ухе оседал холодный туман. Каждый день Вань Миньюэ приходилось использовать свою внутреннюю силу, чтобы защитить его сердце и продлить ему жизнь. Но те, кто должен был прийти на помощь, всё не появлялись.

Снег шёл уже пять дней без перерыва, сугробы доходили до колен, и найти добычу стало невозможно. Запасы мяса и диких трав, собранных ранее, подходили к концу. Дров для растопки лежанки с каждым днём становилось всё меньше.

Когда-то давно лекарю уже доводилось ухаживать за тяжелораненой женщиной в такую же суровую зиму. Он перепробовал все мыслимые способы, но не смог спасти её и в итоге был вынужден оставить её тело.

Хань Линь был совсем слаб и большую часть дня проводил в забытьи. Когда он вскрикивал и просыпался по ночам, Вань Миньюэ обязательно звал его по имени, и только услышав ответ, мог немного успокоиться.

Однажды ночью, когда мужчина разбудил его своим зовом, раненый больше не смог уснуть. Вань Миньюэ поправил ему одеяло и вдруг начал рассказывать о временах, когда он только начинал свой путь в цзянху — о том бегстве с больной спутницей на руках.

— Она была хорошей девушкой. Тебе всегда везёт на хороших девушек, — с бледной улыбкой произнёс Хань Линь.

— Поэтому я и говорю, что мой главный принцип выживания...

— Не связываться с девицами, — перебил его Хань Линь. Помолчав, он тихо спросил: — Ты любил её?

За окном вьюга выла подобно призраку. Вань Миньюэ криво усмехнулся.

— Не успел. — Он на мгновение замер, а затем, подняв глаза, добавил: — Пожалуйста, выживи.

Хань Линь нашёл под одеялом руку собеседника и легонько сцепил с ним мизинцы.

— Я постараюсь.

Вань Миньюэ опустил взгляд на его исхудавшую, костлявую кисть и заметил, что на запястье снова появился знакомый алый цвет.

Несколько дней назад, когда юноша был без сознания, лекарь, обтирая его, снял браслет из красных бобов и положил под подушку.

Хань Линь, заметив это, пошевелил рукой:

— Привык к нему. Когда проснулся, на запястье ничего не было, и я чувствовал какую-то пустоту.

Его рука так истончилась, что браслет, который когда-то был ему впору, теперь свободно соскользнул до самого локтя.

Хань Линь опустил глаза и стянул украшение.

— Ты ходил на разведку? Там, где сошла лавина, можно пройти человеку?

Он уже не раз уговаривал спутника поискать путь наружу, проверить, можно ли перебраться через завалы. Вань Миньюэ понимал, к чему клонит больной, и лишь на словах соглашался.

— У нас нет ни лошадей, ни повозки, а на улице лютый мороз. Даже если там можно пройти, ты не выдержишь такой дороги.

Яркий цвет бобов акации резал мужчине глаза. Он забрал браслет из рук юноши и, сжав в ладони, тихо произнёс:

— Не надевай его пока, только лишние хлопоты.

Хань Линь попытался вернуть вещь, но сил не хватило. Задыхаясь от усилий, он проговорил:

— Тогда уходи один. Мы не можем оба сгинуть здесь. Тебе всё это далось нелегко... ты столько времени провёл в Чанъане под палящим солнцем и ледяным ветром...

Тёплая ладонь легла ему на губы. Вань Миньюэ оказался совсем близко, согревая его лицо своим дыханием.

— Уже поздно. Спи.

Когда снег наконец прекратился, лекарю пришлось оставить Хань Линя, чтобы отправиться на поиски пропитания. Перед его уходом тот уже два дня находился в бреду. Вань Миньюэ поил

его горячей водой, иногда набирая её в свой рот и передавая губами.

— Какое мучение, — пробормотал он, вытирая влагу с уголков губ юноши. Мужчина слегка коснулся его впалой щеки. — И надо же было мне осознать свои чувства к тебе именно сейчас.

Но оставаться в хижине было нельзя: если Хань Линь и не замёрзнет насмерть, то они оба просто умрут с голоду. Вань Миньюэ всё чаще возвращался с пустыми руками. Глядя на скудные остатки еды и на лежащего в беспамятстве друга, он впадал в оцепенение, не желая думать о неизбежном, хотя действительность уже была безрадостной.

В тот вечер Хань Линь на удивление пришёл в себя. Он съел лишь пару кусочков змеиного мяса и отодвинул миску.

Вань Миньюэ забрал её и доел остатки — за последние дни это стало привычкой. Соль закончилась больше недели назад, так что змеиный бульон был совершенно безвкусным.

Перед сном он менял повязку на незаживающей ране на животе Хань Линя. Талия того стала настолько тонкой, что её можно было обхватить одной ладонью. Рёбра под кожей ходили ходуном при каждом вздохе, и смотреть на это было невыносимо.

Юноша сидел на кровати, прислонившись к стене. В этот вечер он казался необычайно спокойным.

— Если я испущу дух... — начал он.

Вань Миньюэ, накладывавший лекарственные травы, нетерпеливо прервал его:

— Ты можешь сказать хоть что-то хорошее?

— Если. Я же сказал — «если». Если я умру, забудь о приличиях и морали. Моё тело всё равно будет просто лежать, и чем его съедят черви, лучше... ты продержишься ещё немного, до весны наверняка придут спасатели. Если спросят, скажи, что я пошёл на охоту и меня растерзали волки. Только не говори правду моему старшему брату, он обязательно будет тебя винить.

Мужчина туго затянул бинты и, отвернувшись, чтобы убрать аптечку, холодно бросил:

— Замолчи.

— Миньюэ, — Хань Линь редко называл его так, — мне всё равно. Твои раны несерьёзные, если продержишься до оттепели...

С оглушительным стуком Вань Миньюэ швырнул аптечку на пол. Хань Линь осекся.

Тот наклонился, молча собрал разбросанные бутылочки, расставил их по местам и, принеся таз с горячей водой, принялся мыть Хань Линю ноги.

Тело юноши становилось всё холоднее — не прошло и нескольких минут, как вода в тазу остыла.

Перед сном, сидя на краю лежанки и снимая одежду, Вань Миньюэ казался более спокойным, и Хань Линь снова попытался заговорить:

— Мне осталось недолго, я должен всё подготовить. Тебе нужно выжить любой ценой...

— Я велел тебе замолчать. — С этими словами мужчина схватил его за подбородок и поцелуем пресек все попытки продолжить разговор.

Губы Хань Линя были ледяными, мягкими и сухими. Наверное, такими на ощупь были бы зимние облака.

После этого Хань Линь лежал с открытыми глазами в объятиях Вань Миньюэ. Он вдруг заговорил о нашествии саранчи в родных краях и о сестре, которая была на восемь лет младше него и которую отдали чужим людям, когда ей не исполнилось и полугода.

Юноша рассказал, что в прошлом году просил Шангуань Цюэ разыскать её, но та семья то ли сменила фамилию, то ли переехала.

— По идее, нельзя искать детей, отданных на воспитание другим. Но моя сестра — девочка, а ты знаешь, что в этом мире женщинам всегда тяжелее, чем мужчинам. Родители перед смертью просили меня найти её, она — моя единственная кровная родня. Я просто хотел бы знать, что она в безопасности.

В прошлые годы я сам едва выживал, мне было не до поисков. Найди я её тогда, я стал бы для неё лишь обузой и поводом для косых взглядов. Только после уничтожения Культа Красного Вэй дела пошли на лад, и я чего-то добился.

Я не собираюсь насильно возвращать её в семью, просто хотел бы помогать ей по мере сил. Пусть живёт своей жизнью. Просто если у неё будет влиятельный старший брат, приёмные родители побоятся её обижать, да и муж в будущем не посмеет поднять на неё руку.

Я знаю, ты всегда подтруниваешь над тем, что я называю всех девушек «сестрёнками». Но я думал — а вдруг по какой-то случайности я и правда встречу свою настоящую сестру.

Если ты когда-нибудь найдёшь Хань Ин, передай ей мои слова. Семья не хотела отдавать её, у нас просто не было выбора. Если бы она осталась, то точно умерла бы с голоду.

— Ты хочешь, чтобы я снова тебя поцеловал? — с угрозой спросил Вань Миньюэ.

Хань Линь на мгновение замолк.

— Целуй. Всё равно ты постоянно делаешь это, когда поишь меня водой или даёшь лекарства.

Когда подобные интимные слова встречаются с полным безразличием собеседника, они теряют всякую силу.

— Свои последние слова своей сестре скажешь сам, — отрезал лекарь.

Как бы Хань Линь ни умолял, мужчина лежал с закрытыми глазами, притворяясь спящим.

Тогда юноша, не видя иного способа привлечь внимание, потянулся рукой к его паху. Вань Миньюэ перехватил его запястье, тонкое, словно сухая ветка, и крепко сжал, но тут же испуганно ослабил хватку.

— Да какого хрена ты лезешь не в своё дело? — взорвался он. — О себе позаботиться не можешь! Неужели нельзя просто помолчать и побереечь силы? Если твой учитель когда-нибудь велит тебе возглавить Школу Линьси и всю жизнь учить учеников, ты и на это покорно согласишься?

Хань Линь совершенно не подходил на роль учителя. Его мысли всегда скакали слишком быстро. Когда-то в Школе Линьси Се Чжишань пытался поручить ему обучение новичков, но Хань Линь, едва объяснив базовый прием, тут же перескакивал на высшие техники. Учителю Се пришлось отказаться от этой затеи. Наставничество требовало изучения целых комнат, набитых книгами, а Хань Линь терпеть не мог зубрить и не желал отвечать за всю школу.

Однако, вопреки ожиданиям Вань Миньюэ, юноша надолго задумался.

— Если учитель Се доверит мне школу, это станет моим долгом. И я приложу все силы, чтобы стать таким же ответственным главой, как он.

Слова прозвучали искренне и серьезно, в них не было и тени попытки просто прекратить спор.

Вань Миньюэ подумал, что Хань Линь по-настоящему пугающий человек. Ради ответственности перед родителями или наставником он был готов на что угодно.

— Не смотри на меня так. Если даос Цин Я однажды возложит на тебя заботу о Школе Уединения в горах, тебе ведь тоже придётся вернуться и стать главой.

— Мой наставник ещё полон сил. Совсем недавно он с огромным пафосом перевёз монастырь к подножию гор Цилянъ. Старик ещё фору молодым даст. К тому же, если он предложит мне это, я откажусь. Не хочу всю жизнь преподавать боевые искусства, это смертная скука.

Договорив, Вань Миньюэ долго ждал ответа, но, опустив голову, увидел, что Хань Линь снова уснул.

На следующий день он опять ушёл на охоту. К вечеру пошёл мелкий снег. Мужчина возвращался к хижине, таща на плечах тушу оленя, и настроение у него было неплохое — теперь еды хватит на несколько дней, и он сможет ни на шаг не отходить от раненого.

Издали он заметил у домика охотника десятка полтора людей. Они стояли со своими конями, и их чёрные одежды на фоне снега напоминали похоронную процессию. Подойдя ближе, он увидел, что их одежда забрызгана кровью. Сбросив оленя у порога, он спросил, когда они прибыли.

Отношения между Павильоном Гаснущего Светильника и Тёмного Дождя и Орденом Безмолвных Цикад были натянутыми, но сейчас все распри были забыты.

— Только что, — коротко ответил предводитель отряда.

Вань Миньюэ обошёл его и толкнул дверь.

Едва переступив порог, он услышал тревожный, полный боли шёпот:

— А-Линь, А-Линь, А-Линь...

На кровати лежал бледный, исхудавший до костей человек, всё ещё не приходя в сознание. Мужчина в чёрном, с ног до головы покрытый кровью, крепко прижимал его к себе, укутав в тяжёлую белоснежную накидку, также пропитанную красными пятнами. Одной рукой он непрерывно вливал свою внутреннюю силу в его спину.

Услышав шум, Шангуань Цюэ инстинктивно прижал Хань Линя к себе ещё сильнее и, повернув мертвенно-бледное лицо, бросил на Вань Миньюэ короткий взгляд. Его прекрасные черты были забрызганы каплями крови, прилипшие к щекам волосы запеклись в ней. Вид его был по-настоящему пугающим.

Губы Владыки Павильона были плотно сжаты, а во взгляде читалась такая ярость, что казалось, коснись его лица — и оно рассыплется ледяными осколками.

Вань Миньюэ видел, что тот едва сдерживает гнев.

Не зря Шангуань Цюэ в последнее время славился своим милосердием и спокойствием. Он не стал устраивать сцен, лишь снова отвернулся и прижался щекой к холодному лицу Хань Линя.

— Собирайся. Уходим сегодня ночью. С теми, кто был в горах, покончено.

Его голос дрожал от напряжения, которое невозможно было скрыть.

Вань Миньюэ перевёл взгляд на меч, прислонённый к лежанке — с него всё ещё стекала кровь, пропитав землю алым.

Он уже и не помнил, когда Шангуань в последний раз обнажал клинок.

Раньше Владыка Павильона каждый месяц в одиночку навещался в Чанъань. Вань Миньюэ как-то в шутку спросил Хань Линя, не боится ли тот покушений, ведь многие мечтали покончить с ним.

Тогда юноша не стал раскрывать секретов, лишь ответил:

— Его сила осталась такой же, как в семнадцать-восемнадцать лет.

Только те, кому довелось сразиться с ним, когда ему было семнадцать-восемнадцать лет, знали, насколько он был страшен — это было абсолютное, подавляющее превосходство, не оставляющее места надежде.

Но за эти годы Шангуань Цюэ научился искусно скрывать свою натуру. Он перестал вступать в схватки, позволяя миру верить в слухи о том, что он больше не владеет боевыми искусствами. Никто не знал, что именно скрывается под этой мягкой и учливой оболочкой. Вань Миньюэ и представить не мог, что в этот раз тот решится обнажить свои клыки.

<http://bllate.org/book/15990/1499123>